

Притворись моей на одну ночь

Автор:

[Дэни Коллинз](#)

Притворись моей на одну ночь

Дэни Коллинз

Любовный роман – Harlequin #732

Алесандро Ферранте женится на Октавии, не испытывая к ней особенных чувств. Кроткой скромнице, хоть и обладающей яркой внешностью, все же не так просто было завладеть вниманием любвеобильного мужчины, привыкшего чувствовать себя королем в женском обществе. Но через некоторое время он по-настоящему влюбляется в нее. Ведь неожиданно выяснилось, что Октавия – не просто обворожительная красавица, на которую заглядываются все мужчины без исключения, но и страстная любовница. После того как в роддоме ребенка Октавии и Алесандро перепутали с другим малышом, она начинает подозревать мужа во лжи. Октавия собирается разорвать отношения с супругом, но вот Алесандро теперь не намерен никуда ее отпускать...

Дэни Коллинз

Притворись моей на одну ночь

Dani Collins

THE MARRIAGE HE MUST KEEP

Серия «Любовный роман»

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

The Marriage He Must Keep © 2016 by Dani Collins

«Притворись моей на одну ночь» © «Центрполиграф», 2017

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2017

* * *

Глава 1

Боль снова полоснула спину. Будто талию опоясал ремень с острыми шипами, мгновенно затягивающийся, отчего перехватывало дыхание.

– Прошу, позвоните Алесандро, – умоляла Октавия Ферранте, задыхаясь и сжимая кулаки в ожидании следующей схватки.

Казалось, что-то непременно произойдет и она так и не услышит голос мужа. Кузен Алесандро, Примо Ферранте, вздохнул и небрежно отвернулся от окна.

– Я ведь сказал, он приедет, только если ребенок родится живым. Иначе все впустую.

Это не могло быть правдой. Ему просто нравится мучить ее. Октавия уже не доверяла ему, уверенная, как никогда, что это очередная его игра. Прошло много месяцев с тех пор, как муж отправил ее в Лондон, и каким-то словам Примо она начала верить. Например, он абсолютно прав, назвав ее мягкотелой. Она позволяла портить себе жизнь, не в силах ничего изменить. Беременность усиливала беспомощность, никогда еще она не чувствовала себя такой беззащитной. Самообладание и уверенность в себе покинули ее, а когда настал момент настоять на своем, сил уже не осталось. Винить некого, кроме самой себя. Желая зализать раны в одиночестве, уязвленная Октавия изолировала себя от людей. Теперь помощи ждать неоткуда. Она никогда не конфликтовала, наученная горьким опытом, но и слабой себя не считала. А когда-то ее можно было даже назвать уверенной в себе, хотя и не принципиальной. При одной мысли о первых неделях замужества ее даже переполняла гордость за себя.

Снова боль. Октавия сжала зубы, чтобы не закричать, чувствуя, как лоб покрывает испарина. Ах, где же Алесандро? Неужели и впрямь ему важнее рождение здорового наследника любой ценой? Она бы многое могла рассказать о подобных мужчинах. Может, Примо не врет и мужу действительно наплевать на нее.

С очередной мучительной схваткой она едва не выкрикнула: «Тогда позвоните моей матери!» – но вовремя вспомнила, что та сейчас в Италии, да и вряд ли бы посочувствовала дочери. Мать проходила через подобное восемь раз, и семь из них окончились выкидышем. Впрочем, восьмую попытку в семье наверняка считают неудачной. Дочь – это не наследник. Она хороша лишь для того, чтобы заменить мать в эстафете боли и страданий.

Теряя детей сразу после родов, Октавия боялась повторить судьбу матери. Опасения, похоже, могут оправдаться. То, что сейчас происходило, не похоже на естественные, идеальные роды. Это была пытка. До намеченной даты еще месяц. Что-то пошло не так.

- Где скорая помощь? В клинике велели вызвать неотложку сразу после начала родов. Ты им позвонил?

- Не впадай в истерику. Они так быстро не приедут, сама знаешь.

Кузен наверняка и не думал никого вызывать.

- Дай мне телефон!

Почему сейчас рядом с ней именно этот мужчина, а не муж? Боль нарастала. Октавия прижала руку к животу, на миг ей показалось, что кожа сейчас лопнет от напряжения.

- Пожалуйста, Примо, умоляю, отвези меня в больницу.

- Ты позоришь наше имя. - Он не сводил с нее презрительного взгляда. - Где хваленая гордость и достоинство, о котором ты толковала, рассказывая о долге перед семьей? Покажи хоть каплю самообладания.

Жестокие слова ранили молодую женщину, хотя от этого тирана странно ожидать чего-то еще. Больно сознавать, что именно Алесандро оставил ее на попечение Примо. Каждый раз, выслушивая его оскорбления, Октавия вспоминала мужа, равнодушно отмахнувшегося от нее. Раньше он, возможно, и был ею очарован, но и тогда она была для него лишь игрушкой, которой суждено скоро стать забытой и ненужной. Но даже подавленная и страдающая, она не собиралась рожать дома, рискуя жизнью ребенка и своей собственной. Спустив ноги на пол, она оперлась на тумбочку. Только бы встать. Если придется, она поползет. Может, Примо и желает ей смерти, но она не сдастся без боя.

- Это кровь? - резко спросил он.

Острый, как у ястреба, взгляд переместился с напряженного лица невестки на запятнанное одеяло. Лицо посерело. Октавия увидела пятно, и силы покинули ее. Значит, и впрямь предстоит повторить путь матери, потерять ребенка. А если останется жива, это повторится снова и снова. Брачный контракт обязывает исполнять долг супруги. И почему она решила, что брак по расчету добавит ей уважения в глазах отца? Зачем, желая угодить мужу, позволила себе

привязаться к нему? И не только к нему, но и к еще не рожденному ребенку, поверить, что наконец-то появится хоть один человек, любящий ее? Она одна во всем мире, и нужно это признать.

Едва сдерживая рыдания и пошатываясь, Октавия подошла к подоконнику, где Примо оставил телефон. Прислонившись к стене и молясь про себя, набрала номер скорой помощи и попросила прислать машину.

Увидев, что звонит жена, Алесандро Ферранте почувствовал, как сердце забилось быстрее. Обругав себя за эту невольную реакцию, собрал волю в кулак, обретая контроль над чувствами. Подумать только, даже на другом конце континента она властвует над ним. Хотя, если подумать, звонок неожиданный, ничего подобного не случалось.

Интересно, почему она звонит сейчас, почему не спит? В Лондоне и Неаполе уже довольно поздно. Может, снова толкается ребенок? Пару раз Октавия что-то говорила о том, как ей трудно спать с новыми ощущениями. Ах, если бы не расстояние между ними. Алесандро подавил чувство сожаления. Расставание было необходимо, нельзя поддаваться страстям и подвергать ее здоровье опасности.

– Дорогая.

– Это я, – раздался в трубке голос кузена.

Алесандро был разочарован, хотя обычно не позволял себе излишних эмоций. Однако этот брак слишком быстро стал раздражать. А как все многообещающе начиналось! Оказалось, у них с Октавией потрясающая совместимость, особенно яркими были интимные отношения, но это переросло во что-то сложно контролируемое, и теперь неясно было, что делать.

Алесандро не раз сомневался в том, что поступил правильно, оставив жену в Англии, но она в положении, рисковать нельзя. Ее мать пережила семь неудачных беременностей. А в Лондоне Октавия в безопасности, под наблюдением врачей лучшей в мире клиники. Определенно, его отказ привезти ее к себе в Неаполь – лучшее решение для нее и ребенка. Однако в последнее время она избегала его звонков, а отчеты о ее здоровье делал Примо. Алесандро

это не нравилось. Почему кузен до сих пор там? Неужели в его квартире до сих пор ремонт?

- Да, - резко ответил он в трубку.

- Она рожает, - слышался короткий ответ.

Алесандро резко сел, мгновенно позабыв о бумагах. Адреналин буквально ворвался в кровь. Октавия рожает? Но еще слишком рано. Схватив планшет, он быстро набрал сообщения водителю и пилоту.

- Все началось слишком быстро, иначе бы я позвонил раньше, - докладывал Примо. - «Скорая» приехала позже. В общем, начались осложнения.

Алесандро ждал в ужасе. Примо любит драматизировать на пустом месте, это лишь усложняет ситуацию. Или, быть может, все совсем плохо. Старинные часы издавали «тик-так». Точно бомба замедленного действия. Алесандро не мог вздохнуть, пошевелиться. Неужели в его жизни опять трагедия? Как тогда, когда завизжали тормоза.

- И? - с нажимом спросил он внезапно севшим голосом.

- Им пришлось забрать ее в ближайшую больницу, не в ту, где должны были проходить роды. Там сейчас куча пострадавших в автобусной аварии. Октавию везут на операцию.

- Что за больница? Я вылетаю сейчас же. Буду, как только смогу.

Глава 2

«Один - ноль в пользу государственных больниц», - подумала Октавия, окончательно очнувшись от анестезии и обнаружив, что Примо не допустили к ее новорожденному сыну. В машине скорой помощи она в отчаянии схватила за руку врача и с жаром сказала:

– Примо не мой муж. Не отец ребенка. Не подпускайте его близко к малышу и скажите персоналу, пусть не впускают ко мне. Вы мне ответите, если что-то произойдет.

Сейчас она понимала, что вела себя глупо, но нельзя доверять Примо, особенно после того, как он въехал в особняк на правах хозяина и всеми силами старался отравить ей жизнь.

Несмотря на преждевременное появление на свет, ее сыну опасность не угрожала. Он находился в инкубаторе под наблюдением врачей, и медсестра должна была отвезти Октавию в палату новорожденных для первого кормления. Персонал относился к ней тепло и дружелюбно, она и забыла, что такое человеческое обращение. Алесандро уже в пути и скоро будет здесь, о чем с неохотой сообщил Примо. Интересно, что заставило мужа так быстро сорваться в Лондон? Какая-то часть ее сознания трепетала от радости при мысли о том, что можно будет снова увидеть мужа. Они даже не спали вместе, не говоря уже о сексе. Состояние ее здоровья абсолютно исключало это. А она так соскучилась по накалу страстей в постели. Очевидно, Примо не врал, говоря, что Алесандро не только считал свою жену толстой и непривлекательной, но и изменял ей. Ну и стоит ли нервничать, ожидая его? Октавия невольно вспомнила, как переживала накануне свадьбы насчет первой брачной ночи. Тогда ее заботило, понравится ли она мужу, сумеет ли доставить ему удовольствие. С болью в сердце она подумала, что глупее тревог нельзя и придумать. Как показал опыт, о физической близости не стоило волноваться. Преодолев естественное смущение и потеряв девственность, она поняла, что ей безумно нравится секс с Алесандро, и с каждым разом открывала себя заново, получая невероятное наслаждение от близости с мужчиной.

Но секс, точнее, его отсутствие, стал еще одним показателем того, как мало интересовался ею муж. Это причиняло боль, в жажде его внимания она чувствовала себя жалкой попрошайкой и научилась прятать чувство пустоты и одиночества за маской холодного равнодушия.

– Миссис Ферранте, – медсестра Венди вкатила кресло-коляску, – давайте-ка отправимся к вашему мальчику.

Примо и не пошевелился, чтобы помочь ей встать. Октавия была рада, хотя после операции мышцы до сих пор не повиновались, а после анестезии кружилась голова и тошнило. Он тоже последовал в палату новорожденных,

явно не подумав, что ему может быть отказано во входе.

- В палату допускаются только родители.

- Октавия!

- Тебе придется встретить Алесандро и проводить сюда.

Венди провела карточкой по замку, и через миг они очутились в светлой теплой комнате. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь серые облака. Впервые за долгое время Октавия почувствовала прилив надежды.

- Малыш вас звал, - заметила медсестра Анна.

Сейчас у вас тишина и спокойствие. - Октавия пересела в мягкое кресло-качалку. - В приемном отделении вчера царила такая суматоха, когда я приехала.

Она сильно перенервничала накануне, хаос в больнице не прибавил уверенности в благополучном исходе. Какое облегчение понять, что можно расслабиться и взять на руки ребенка, о котором она так тревожилась! Октавия едва не расплакалась.

- Я слышала. - Венди забрала младенца из инкубатора и завернула в одеяльце. - Потому доктор Рейнолдс еще не навестила вас. Сначала роды, потом ее попросили помочь пострадавшим в автобусной аварии, произошедшей буквально перед вашим приездом. Ну и ночка! Спустите халат с одного плеча.

Последовав ее совету, Октавия внезапно устыдилась своей наготы, хотя в теплой комнате никого, кроме них и детей, не было.

Ребенок был явно расстроен и голоден. Чувствуя тепло малыша в своих руках, Октавия вдруг ощутила нежность и желание защитить его. Такой милый, хорошенький малыш с шелковистыми черными волосиками, выбившимися из-под бело-голубого чепчика. Крохотные бровки, реснички, носик пуговкой, недовольное личико. Забавный.

Странный холодок пробежал по спине Октавии.

- Позвольте ему найти сосок, - подсказала медсестра. - А вы уже придумали ему имя?

- Я жду решения мужа, он должен подтвердить выбор имени.

Ребенок беспомощно размахивал ручками. Вот он приник к груди - такой милый, настойчивый, очаровательный, а ей отчего-то было не по себе. Неужели что-то подобное произошло и с мамой? Произведя на свет живого ребенка, дочь, она не смогла почувствовать настоящей материнской любви, хотя и вырастила ее.

Стены точно сомкнулись. Каким же недоразумением она была! Сначала разочаровала родителей, потом мужа, а теперь еще, похоже, не справляется с ролью матери. Неудивительно, что ее никто не любит. Она сама неспособна на это чувство.

Слезы защипали глаза, и Октавия моргнула. Одна капелька упала на сморщенное личико малыша. Она вытерла ее, тщательно разглядывая крохотное создание. Куда же делись чувства, которые переполняли ее во время беременности? Тогда она испытывала привязанность к малышу. Это невозможно забыть.

Мальчик заволновался еще сильнее, его надрывный плач буквально хватал за душу. Октавия не находила в чертах его лица ни малейшего сходства с собой, ничего знакомого. Не такого мальчика она хотела увидеть. Он не был некрасивым, не вызывал отвращения. Просто был другим. Выгибая спинку, он зашелся в яростном плаче.

- В первый раз всегда странные ощущения, - успокоила Венди. - Вы не первая, кто плачет. Позвольте ему...

- Нет. - Октавия не ожидала от себя такой уверенности. Странное ощущение. Ей хотелось помочь плачущему малышу, голодному, несчастному и беспомощному. Накормить его. Но она вдруг выпалила: - Это не мой ребенок.

* * *

Алесандро не удалось поспать с момента звонка кузена. Он сам пилотировал частный самолет, несмотря на снег и туман, в Лондон. Будь на его месте кто-либо другой, Алесандро не упустил бы случая упрекнуть смельчака в безрассудстве.

Приземлившись, он получил сообщение о рождении здорового сына и о том, что малыша пока держат в инкубаторе ввиду преждевременных родов. Примо ничего не сказал о состоянии Октавии, явно намеренно. Алесандро любил кузена, но Примо обожал язвить и перетягивать на себя внимание по любому поводу. Когда наконец он повзрослеет и перестанет дуться на брата за решение, принятое дедом?

– Как она?

– Откуда я знаю. – Примо раздраженно топнул. – Она со мной не разговаривает, не сказала даже, что началось кровотечение. Полагаю, операция прошла успешно, ведь она жива. Кстати, эта больница – курам на смех. Она рисковала своим здоровьем и здоровьем сына. Честно говоря, Сандро, я тебе уже говорил, что опасаюсь за ее психику, и вот тебе подтверждение.

Из вышесказанного Алесандро уловил, казалось, лишь слово «жива».

– Женщины очень эмоциональны во время беременности, – менторским тоном вещал Примо. – Почему ты вообще воспринял это всерьез?

Он держался, как всегда, напыщенно и театрально. Алесандро всегда раздражался, наблюдая за его самолюбованием.

– Дело даже не в этом, Сандро. Она заговаривается. Несет чушь.

Алесандро удержался от ехидного замечания о том, что Октавия, по крайней мере, не впадает в истерику, однако слова Примо заставили его вспомнить собственные опасения. С самого начала его беспокоили прохладные отношения Октавии с родителями. Ее мать была склонна к депрессии, но Сандро надеялся, что по наследству это не передается. Первые недели их брака жена была робкой и застенчивой, затем открылась, восхитив и очаровав его. Но в последнее время от ее смелости не осталось и следа. Она отдалилась от него и замкнулась в себе.

Хотя она ведь беременна, и это, очевидно, абсолютно нормально.

Следуя за кузенком, он думал, что следовало бы принести цветы. Войдя в комнату, вздрогнул, взглянув на пустую кровать.

– Она, наверное, еще в инкубаторе, но тебя могут и не пустить. Очень уж чувствительной она стала, даже не хотела, чтобы я увидел ребенка. Честно говоря, Сандро, ее враждебность... Мы же семья. Я понимаю, что она единственный ребенок у родителей и, наверное, завидует мне, ее задевает, что мы с тобой так близки, видит в этом угрозу. А я просто хотел позаботиться о ней, ты ведь сам просил. Объясни это ей, хорошо?

Ну, здесь он явно перегибает палку. Никто не просил Примо присматривать за Октавией, просто однажды он проводил жену к врачу. Честно говоря, Сандро надеялся, что их общение поможет снять напряжение, возникшее сразу после знакомства. Однако надежды не оправдались, а на Рождество он даже предложил Примо подыскать другую квартиру. Тот тогда заверил, что ремонт на новом месте почти завершен.

– Сейчас я буду за ней присматривать, – заявил молодой отец, – они с ребенком переедут ко мне в Неаполь после выписки. Ты можешь переключиться на работу.

– Кстати, нам есть что обсудить.

– Это подождет.

Примо не выносил, когда его оставляли без внимания, и это частенько становилось причиной вспышек гнева. Алесандро прилагал все силы, чтобы минимизировать бессмысленное соперничество и восстановить мир.

– Я хочу встретиться с сыном, Примо. Возвращайся к маме и отдохни.

Мысли о Примо вылетели из головы. Сейчас его занимали Октавия и сын. Предъявив документы, Сандро направился к двери инкубатора. Сестра впустила его внутрь.

Как же здесь шумно! В эту какофонию звуков врезался твердый голос Октавии:

– Я вижу, он голоден, и обещаю, что покормлю его, но из бутылочки.

– Октавия?

Сандро почувствовал, как нараставшее волнение внезапно сменилось тревогой. Жена выглядела хрупкой и бледной. Казалось, с трудом держится. Глаза, подобные темным лепесткам фиалки, были наполнены страданием. Прекрасные губы, которые он так любил целовать, мучительно сжаты. Было непривычно видеть ее округлившееся лицо. Не то чтобы она сильно набрала вес во время беременности, просто Алесандро почти не видел ее, потому и не привык к изменениям. Сейчас она казалась мягче, чем раньше, женственнее и намного слабее. С распущенными волосами и чистым, без макияжа, лицом, она была такой красивой. Сандро почувствовал нарастающее возбуждение. Как это вообще возможно? Не прошло и пяти секунд, а его уже окутывает волна жара, хочется ее обнять и не отпускать. Какие-то первобытные инстинкты, которые невозможно контролировать. На долю мгновения их взгляды встретились. Сандро показалось, что в глазах Октавии мелькнуло что-то неуловимое. Так она смотрела на него по утрам, просыпаясь, когда они делили постель. Так зарождалась ее улыбка, прежде чем расцвести на губах.

Но это было мимолетное ощущение.

Октавия застенчиво натянула халат на обнаженное плечо и, покачиваясь в кресле, подняла малыша, стараясь его успокоить. Напрасные усилия. Ребенок был безутешен.

– Алесандро!

Вот так. Не «дорогой», даже не Сандро. Когда последний раз она обращалась к нему ласково, не боялась встретить его взгляд дольше чем на долю секунды? Видимо, решение оставить ее в Лондоне сильно повлияло на их отношения. Алесандро намеренно избегал даже мысли о браке по любви. Его жена – это сила, уверенность, а не слабость. Тем не менее он негодовал на недружелюбный прием.

Медсестра бросила на него отчаянный взгляд, полный мольбы о помощи, и это лишь взвинтило Сандро. Больше всего его раздражала излишняя эмоциональность и беспорядок, этого ему с лихвой хватило после звонка Примо.

Почему, черт возьми, никто не в состоянии держать ситуацию под контролем?

– У нас проблема?

– Ваша жена хочет кормить младенца из бутылочки, но на такой ранней стадии не стоит этого делать. Он потом не будет брать грудь.

– Ты не хочешь кормить его сама?

Они с Октавией не обсуждали то, как она будет кормить младенца. Конечно, ей решать, но для него это сродни пощечине. Он и без того оскорблен ее прохладным приветствием, но это стало последней каплей. Большого унижения ему испытывать не доводилось.

– Посмотри на него. – Октавия с дрожью в голосе показала малыша.

Лицо младенца покраснело от отчаянного плача, крик действовал Сандро на нервы. «Просто покорми его», – подумал он. Ясно же, ребенку нужно именно это.

– И посмотри вон на того. – Она указала на инкубатор, на котором был ярлычок с фамилией Келли.

Алесандро перевел взгляд на Октавию, потом на кричащего младенца, на медсестру и опять на инкубатор. Человек неглупый, сейчас он ровным счетом ничего не понимал. Слишком уж непривычные ощущения.

– Ярлыки на месте, мистер Ферранте, – заверила Венди. – У нас все очень строго. Старшая медсестра все объяснит. Это точно ваш ребенок.

– Посмотри на того малыша! – вскричала Октавия так требовательно, что Алесандро невольно повиновался.

Мальчик в другом инкубаторе был голеньким, если не считать подгузника. Лежал и плакал, слабо шевеля ручками и ножками, и выглядел таким одиноким, что сердце Сандро защемило, вдруг захотелось взять его на руки и утешить. Очевидно, малышу не хватало ласки, но получить ее он должен от своих родителей. Из-под чепчика выбивались шелковистые черные волосы, внезапно

напомнившие Алесандро нежные пряди Октавии. Но на ярлыке значилась фамилия Келли.

Может быть, он так устал, что все это просто галлюцинации? Да нет, просто Октавии пришлось многое пережить. Сандро гигантским усилием воли заставлял себя мыслить рационально. Конечно, она рассудительная, но, в конце концов, всего лишь человек, а не машина. К тому же явно еще не отошла от наркоза. Взглянув на жену, он вдруг заметил, что она впервые за долгое время пристально смотрит на него, точно пытаюсь отправить ему мысленное сообщение.

- Она не дает мне его.

У нее сел голос. В ее словах Сандро почувствовал глубокое отчаяние, граничащее с гневом. Это задело его за живое.

- Тот ребенок не ваш, миссис Ферранте, - настаивала медсестра.

- Это не мой сын.

Она покраснела, стараясь успокоить кричащего на ее плече младенца. Алесандро пришлось сконцентрировать всю волю и оставаться спокойным.

- Принесите бутылочку, я его покормлю, - приказал он медсестре. - Моя жена сомневается. В конце концов, это ее тело, и...

- Дело не в этом, я готова кормить сама, но моего ребенка.

В ее взгляде была не то отрешенность, не то покорность. Она выглядела преданной, обманутой. Разочарованной.

Что-то шевельнулось в его душе, несмотря на шок от ее истерики и нежелания признать собственного сына. Неуверенность. Скорее всего, она ошибается. Путаница с детьми случается лишь в фильмах. У нее на руках их сын. Но в этом случае она просто не хочет его признать, как не хотела общаться с мужем последние месяцы. Почему он стал таким нежеланным для нее?

Медсестра ушла за бутылочкой. Разумеется, кто бы ему отказал. Правда, на просьбы Октавии никто и не думал реагировать. Он взглянул на нее так, будто она грязь на подошве его ботинка, от которой как можно скорее надо избавиться! Она опустила глаза, не в силах смотреть ему в лицо, и принялась разглядывать исподтишка. Какой он красивый! Светло-голубой пуловер под кожаной курткой пилота выгодно подчеркивает широкие плечи. Легкая щетина на щеках – единственный намек на бессонную ночь. В остальном безупречен: отглаженные серые брюки, уложенные, чуть вьющиеся волосы, серо-зеленые глаза, взгляд которых обрушивался тропическим ливнем, проникая в самые потаенные уголки души. Все в нем буквально излучало силу: широкие плечи, твердый рот, спокойное лицо. Создатель отмерил точные пропорции. Высокие скулы, прямой нос, чувственные губы. О, эти губы. Когда-то они ласкали ее. Нельзя думать об этом. Сейчас они сжаты от негодования, и она тому причиной.

Похлопывая ребенка по спинке, Октавия безуспешно старалась утешить его и успокоиться сама. Может, она сошла с ума? Примо никогда не стеснялся задавать ей подобные вопросы. «Ты что, обкурилась?», «Совсем потеряла разум?», «Ты вообще можешь думать, как нормальные люди?», «Как ты могла предположить такое?!». Спустя несколько месяцев она и сама начала сомневаться в своем психическом здоровье. Как вышло, что она в Лондоне, беременная, а отец ребенка, казалось, абсолютно не думает о семье? Почему не боролась за лучшие условия жизни? По крайней мере, можно было настоять на каком-нибудь контракте или обещании от мужа. Почему не требовала от Алесандро разговаривать прежде всего с ней, а не с кузенком? Конечно, в этой ссылке в Лондон ей не угрожала опасность, просто она была одинока и несчастна. Но, в конце концов, мама несчастна всю жизнь. Таков удел жены, служившей пешкой в мужских амбициях. Разве она имеет право вообще взывать о сочувствии? Несчастливая богатая девочка, плачущая оттого, что приходится жить в особняке, полном слуг. Да в ее жизни можно устать разве что от походов по магазинам. Октавия привыкла ждать от жизни лучшего, поэтому воспринимала свое положение как временную меру и ждала воссоединения с мужем, который бы непременно дал ей почувствовать свою любовь. Картинка дружной, любящей семьи не покидала ее до сегодняшнего дня. Однако что-то пошло не так. Иначе почему ей отказывают даже в праве взять на руки собственного ребенка? Внезапно терпение, чувство долга и умение понимать других показались Октавии бесполезными, никчемными, глупыми качествами.

Покачиваясь в кресле, она легонько убаюкивала ребенка, но мысли кружились в бешеном вихре, далеко от идиллической реальности. Малыш в другом

инкубаторе так похож на Алесандро, и как он не заметил? Она спорила с медсестрой, пока не почувствовала, что вот-вот упадет в обморок. Та не согласилась дать ей подержать другого младенца, но то, что он ее сын, так очевидно. Почему муж не поддержал ее? Если уж он не видит правды, значит, она и впрямь сходит с ума.

Плач другого мальчика, приглушенный стенками инкубатора, разрывал ей сердце. Но малыш в ее руках тоже кричал жалобно и надрывно. Октавия чувствовала себя хуже некуда, бессильная ему помочь. Но она не может кормить его грудью. Тот, второй, ее сын. Несомненно.

Внезапно распахнулась дверь.

– Думала родить сама, но... О, здравствуйте. Я слышала, это с вами мы соперничали за внимание хирурга. Я Сорча Келли.

Блондинка, въехавшая в палату на кресле-каталке, была восхитительна. Волосы стянуты в пучок, бледное овальное лицо, чистое, без макияжа, поражало красотой, ни грамма лишнего веса. Она бросила заинтересованный взгляд на Алесандро, и сердце Октавии сжалось от ревности. Она заставила себя поглядеть на мужа. Конечно же он обратит внимание на эту красотку. Ее улыбка, разумеется, не была приглашением к флирту, но какой мужчина устоит перед таким совершенством?

Однако Сандро лишь вежливо кивнул.

– Алесандро Ферранте. Моя жена Октавия и наш сын Лоренцо. Ведь так мы хотели его назвать? – Он обратился к жене, отчаянно желая, чтобы хотя бы сейчас она не спорила.

Октавия лишь кивнула, пожав плечами. Да, она хотела назвать сына именно так, но малышу у нее на руках это имя не подходило. Наткнувшись на суровый взгляд мужа, она почувствовала, как перехватило дыхание. Почему он смотрит так презрительно? Она в состоянии прочесть его мысли. Яблочко от яблони недалеко падает, или что-то в этом роде. Но сцены не будет. Она собралась было говорить, но Сорча протянула руки к малышу в руках медсестры. Та попросила Алесандро отвернуться, и он, извинившись, выполнил ее просьбу, чтобы дать молодой матери возможность удобнее устроиться в кресле с обнаженной

грудью.

Мучительная боль железным обручем сжала сердце Октавии, когда она увидела, как Сорча обнимает малыша.

– Я хотела вас увидеть, мистер Келли, – нежно и ласково пропела она мальчику.

Октавия внезапно обрела дар речи:

– Это...

– Октавия, – тихо, но твердо предупредил Сандро.

Прерывисто вздохнув, она посмотрела ему в глаза, в которых в данный момент не было ничего, кроме пренебрежения, обиды и боли. Сердце подпрыгнуло, но она быстро перевела взгляд на Сорчу. Та внезапно склонила голову, и ее брови сошлись на переносице. Медсестра подтолкнула ребенка к ее груди.

– Я думаю, это не... – Молодая мать подняла глаза и посмотрела на мальчика в руках Октавии, которого та безуспешно старалась утешить, потирая спинку и покачивая.

– Ваша бутылочка, сэр. – Венди что-то вложила ему в руку.

В этот миг Октавии показалось вдруг, что все вокруг отступило на второй план. Единственное, что имело значение, – встревоженный взгляд Сорчи и ребенок у нее в руках. Сын Октавии. Взгляды женщин встретились. Октавия медленно опустила ребенка на колени, чтобы Сорча могла увидеть его лицо. Их разделяло несколько метров. Зрачки Сорчи удивленно расширились, во взгляде поселилась тревога матери за своего ребенка.

– Как вы... – Она опустила взгляд на ножку малыша, которого держала. Руки ее дрожали. Она непонимающе посмотрела на Октавию.

– Они мне не верят.

– Чему не верят? – удивилась медсестра, вошедшая с Сорчей, в то время как Венди по-прежнему что-то мямлила про строгий протокол.

– Моя жена просто запуталась, – успокоил Алесандро и наклонился к малышу в руках Октавии.

Она крепче обняла его, отказываясь отдавать кому-либо. В этот миг Сорча выпалила:

– Не трогайте его.

Резко встав, она запахнула халат на груди и подошла к своей собеседнице.

– Никто мне не верит, – твердила отчаявшаяся женщина, переживая прилив материнских чувств к своему сыну. На глаза навернулись слезы, стало больно дышать. – Я хотела покормить его, но ему нужна мама, а они не отдавали мне моего.

Они обменялись младенцами.

– Я верю вам. – Сорча робко улыбнулась, целуя своего вновь обретенного малыша. – Конечно, мы лучше других можем различить собственных детей.

Октавия благодарно кивнула. Теперь она обязана этой женщине по гроб жизни. Вот он, ее Лоренцо. Идеально укладывался в ее руки, от него так знакомо пахнет, кожа мягкая и нежная. Маленькое тельце было на удивление сильным, хотя он и плакал двадцать минут. У него такое же решительное лицо, как у отца, видно сразу, он всегда получит то, чего хочет, любой ценой. Малыш тут же замолчал, как, впрочем, и сын Сорчи. Октавия облегченно вздохнула и улыбнулась напарнице. В палате воцарилось молчание. Медсестры не сводили с пациенток удивленных глаз. Алесандро стоял точно громом пораженный.

Глава 3

– Что ты делаешь?

– Разве ты еще не понял? Детей перепутали. Посмотри на него. – Она дрожащей рукой окинула край одеяльца, чтобы муж мог увидеть лицо мальчика.

Сандро был потрясен. Вот, значит, когда она начала выказывать любовь. Но к кому? Или он тоже начинает сходить с ума. На миг ему показалось, что личико младенца похоже на его многочисленных племянников. А ведь раньше он думал, что все новорожденные похожи друг на друга.

Октавия перестала нервно раскачиваться в кресле и сейчас выглядела умиротворенной, почти такой же, как всегда. Но это невероятно. Неужели в больнице и впрямь могли перепутать детей?

– Это невозможно, – заявила медсестра. – У нас очень строгий протокол, малышей не могли перепутать. Вы ошибаетесь.

– Это вы ошибаетесь, – отозвалась Сорча. – Давайте сделаем анализы, и вы увидите, кто прав.

Алесандро старался не смотреть на женщину, уважая ее право на уединение от посторонних взглядов, но не мог не заметить, как смотрела на нее Октавия, без капли сомнения в собственной правоте. Она так нежно приняла этого ребенка. А если она права?

– Я не ожидал ничего подобного. Немедленно проведите анализы.

– Разумеется, сэр, но мы должны дождаться приказа врача. Я ему позвоню.

– Разве не я первая это предложила, – удивилась Сорча.

– Женский голос так тих, что его мало кто слышит, – поддержала Октавия, демонстрируя чувство юмора, которое всегда тщательно скрывала от мужа.

Но он услышал их беседу вполголоса. Октавия нахмурилась, ее лицо обрело маску бесстрастия. Сандро понял, что эта маска специально для него. Тревога закралась в душу, но он заставил себя переключиться на установление истины с младенцами.

Октавия посмотрела на ребенка, лежащего на ее коленях, и смягчилась. Лоренцо, если это действительно он, заснул. Бережно отодвинув его от груди и запахнув халат, она положила его себе на плечо и потерла спинку. Так естественно и расслабленно. На ее губах играла нежная улыбка. Алесандро проглотил ком в горле.

– Может быть, имеет смысл кормить малыша из бутылочки, пока все не выяснилось, – предложила медсестра.

– Мне все ясно. Этот ребенок мой, и я не выпущу его из рук, пока вы все не примете этот факт.

Она враждебно смотрела на Алесандро, давая понять, что это касается и его. Сейчас она напоминала дикую кошку, готовую разорвать в клочья, если он перейдет ей дорогу. Внезапно он понял, что новый образ жены весьма и весьма его возбуждает.

Лоренцо оказался на удивление тяжелым. Октавии хотелось вернуться в палату вместе с сыном, прилечь и предложить Алесандро подержать малыша. Странно, что он до сих пор этого не потребовал. Видимо, увлекся беседой с медсестрами по поводу процедуры надевания ярлычков. Надо признать, вероятность путаницы очень низкая, однако, скорее всего, детей перепутали. Октавия не могла доказать свою правоту, просто знала, и все. Слезы снова выступили у нее на глазах при мысли о том, что придется доказывать то, что подсказывал материнский инстинкт.

Доктор Рейнолдс немедленно взялась за дело.

– Анализ ДНК занимает много времени. Разумеется, мы его сделаем, но сейчас достаточно простого анализа крови. Он не окончательный, зато определит принадлежность ребенка паре, которая на него претендует.

– Отлично. – Алесандро принялся закатывать рукава, точно ожидал, что процедура будет проведена немедленно. – Думаю, у меня третья группа крови, анализ это подтвердит.

Однако даже ему, привыкшему, что приказам моментально подчиняются, пришлось подождать. Сотрудника лаборатории не было на месте, директор больницы решил лично поучаствовать в этом и побеседовал с обеими молодыми матерями. Потом провели допрос персонала, дежурившего ночью, и охраны, в обязанности которой вменялось отслеживать посетителей.

Во всех эти утомительных процедурах Октавию сопровождала союзница – Сорча. Алесандро тоже, разумеется, прилагал все усилия, чтобы докопаться до истины, но казалось, будто он винит их новую знакомую. По крайней мере, подобное выражение лица было у него в присутствии собственной матери, когда та несла вздор и требовала внимания к себе.

Наконец он подошел к жене и положил руку ей на плечо. Она едва не отшатнулась. Ее реакция не осталась незамеченной. Алесандро сделал вид, будто легонько погладил ее по плечу, но в глазах его мелькнул шок.

– Я собираюсь потолковать с начальником охраны, выясню, действительно ли они следуют протоколу.

Он выглядел измученным и нервным. Но эти слова неожиданно успокоили Октавию.

Его взгляд упал на спящего малыша, и лицо исказила мука. Значит, все-таки он воспринимает ситуацию всерьез, даже если ему, привыкшему оперировать фактами, трудно поверить инстинктам. Главное, он не отмахивается от мнения жены.

Прежде чем она смогла что-либо ответить, Алесандро взял ее лицо в ладони и наклонился. Горячие губы прикоснулись к ее губам коротким жарким поцелуем, от которого точно ток пробежал по телу Октавии. Все быстро закончилось, но она едва могла дышать от возбуждения. Муж выпрямился, его взгляд задержался на ее лице. Она не успела скрыть волнение от поцелуя. Проведя большим пальцем по ее щеке, Сандро ушел.

В отсутствие мужа Октавия всегда чувствовала разочарование, хотя и ругала себя за эту зависимость. Однако сейчас все куда более серьезно. Он пообещал ей защиту, а после долгих месяцев раздумий о том, почему муж утратил к ней интерес, почувствовать его заинтересованность очень приятно. Хотя, может быть,

это просто иллюзии.

– Ваш муж напоминает мне отца Энрике, – прошептала Сорча, тихонько покачиваясь в кресле.

Обеим женщинам дали слинги на случай, если они задремлют с детьми на руках.

– Каким образом? – заинтересовалась Октавия. Неужели какой-либо мужчина может походить на Алесандро? Невероятно. Ей никогда не доводилось встречать никого, даже отдаленно напоминающего мужа.

– Манерой все контролировать. Он так уверен в себе и решителен. Вам повезло, что муж рядом с вами. Точнее, повезло нам обеим.

– А ваш муж разве не здесь? – Октавия хотела больше узнать о новой знакомой.

Они еще не стали друзьями, но ей очень хотелось на это надеяться. Она потеряла связь с теми немногими знакомыми из Неаполя, да они и не были настоящими подругами, так, одноклассницы.

– Он в Испании. – В голосе Сорчи слышалось напряжение. – Попал в аварию. Все в порядке, он уже почти оправился, но приехать не смог.

– Из-за того, что роды преждевременные? Он в пути?

На губах Сорчи заиграла улыбка, она обвела взглядом инкубатор.

– Мы не женаты. Вообще не вместе. – Делано храбрая улыбка угасла, словно женщина жалела о поспешном признании. Можно подумать, одиночество – преступление.

– Прошу прощения за любопытство. Но, надеюсь, мы можем обменяться телефонами. В конце концов, нам обеим пришлось пройти через это.

– Вы правы. – Улыбка вновь озарила прекрасное лицо Сорчи. – Мама всегда говорит: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Я уеду к ней в Ирландию и буду жить там до тех пор, пока снова не выйду на работу. Так что, боюсь, мы не

сможем встретиться за чашкой кофе. Придется положиться на современные технологии и встречаться в скайпе.

– О, – только и смогла вымолвить Октавия, мгновенно падая духом. Значит, она будет совершенно одна. Конечно, все это время ей очень хотелось вернуться к мужу в Неаполь, она только этого и ждала, но после встречи с ним не была уверена в своем желании. Может, сейчас он ее и поддерживает, но почему оставил так надолго одну? Странно, несмотря на надежды, что замужество подарит ей полноценную семью, никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой. – Что ж, друг по скайпу – это лучше, чем совсем никого.

Алесандро привык, чтобы его приказы исполнялись немедленно, а если что-то мешало этому, активно добивался результатов. И сейчас занимался именно этим. Поставив одного охранника у дверей инкубатора, он попросил второго сопровождать его и директора больницы к начальнику охраны Гарету Андервуду. Пожимая руку Алесандро, тот склонил голову.

– Муж миссис Ферранте. А вам известно, что ваш кузен назвался ее мужем вчера вечером?

Новость не сильно удивила Сандро, скорее, вывела из себя. Еще подростками они с Примо соперничали, однажды Алесандро пришлось даже отвечать перед лицом закона. С тех пор он строго-настрого запретил кузену называться его именем. Видимо, приказ был нарушен, и опять приходится придумывать оправдания.

– Я уверен, это продиктовано соображениями безопасности. Чтобы не вдаваться в подробности, поясню: недавно у нас возникла необходимость усилить охрану.

Последние несколько месяцев он безуспешно пытался вычислить неизвестных, угрожавших ему. Может, подмена ребенка – их рук дело? Однако паниковать, не имея доказательств, рано.

– Октавия должна была родить в частной клинике, где безопасность клиентов – один из ключевых моментов. Но поскольку все изменилось, я уверен, что Примо просто старался ее защитить.

– А почему не вышло с той клиникой?

– «Скорая» не приехала, а схватки прогрессировали очень быстро. Пришлось везти ее сюда.

– Я выяснял этот вопрос. – Директор больницы взял сотовый. – Оператор утверждает, что никаких вызовов с того адреса больше не поступало, лишь тот единственный, по которому и выехала «скорая». Ваша жена звонила сама.

– Значит, звонок Примо не приняли. Я сам с ними поговорю. Этой ситуации не было бы, если бы вызов приняли и отправили машину в нужную больницу.

– Сэр. – Оператор пригласил их в диспетчерскую.

В маленькой комнатке было жарко и тесно для такого количества людей. Техник быстро продемонстрировал на экране изображение с камеры наблюдения: Примо сопровождает каталку Октавии в помещение, куда вход посторонним ограничен. Медсестра качает головой, указывает куда-то вглубь коридора.

– Она предлагает ему подождать в приемной, – пояснил директор.

Спустя некоторое время забегал персонал, поскольку начали поступать пострадавшие в аварии. Люди входили и выходили, за дверь никто не присматривал. Примо вошел в комнату для персонала, которая граничила с операционной.

Все присутствующие смотрели на Алесандро. Он пожал плечами, готовый сказать, что кузен наверняка был обеспокоен состоянием Октавии, но промолчал, продолжая наблюдать за экраном. Оператор щелкнул пультом, появилось изображение с камеры наблюдения внутри комнаты. Из операционной вышла медсестра. Сняв перчатки, бросила их в корзину для мусора и принялась мыть руки. Звука не было, но, судя по тому, как она куда-то указала, стало понятно, что Примо попросили выйти. Сестру позвали в другую операционную, и она ушла. Из первой операционной вышла вторая медсестра, остановилась, явно шокированная присутствием постороннего, но Примо указал на дверь с табличкой «Операционная 2». Очевидно, его слова встревожили сестру, и она принялась суесть над двумя подносами с бумагой, ручками и...

– Ярлыки для имен? – предположил Алесандро, наблюдая, как сестра кладет на каждый поднос полоску бумаги, отпечатанную на принтере.

– Там должны стоять имя матери и штрихкод, который подходит к ее личному делу, – пояснил директор. – Полоски печатают заранее, а позже в операционной ставят время рождения ребенка.

Из второй операционной вышла медсестра. Осмотрев оба подноса, придвинула к себе один, поспешно вышла вместе со второй сестрой. В этот момент Примо взглянул прямо в камеру, а потом, встав к ней спиной, заслоняя стол, сделал неуловимое движение рукой.

– Останови здесь! – крикнул Андервуд.

Все смотрели на него, а он не мог отвести взгляда от застывшего изображения на экране, не в силах поверить в то, что не решались высказать присутствующие и что заподозрил он сам.

– Он не мог.

Но такова горькая правда. Все усилия ради благополучия и целостности семьи Ферранте пошли прахом, потому что он убедил себя в преданности кузена.

Видео возобновили. Медсестры на экране понесли подносы каждая в свою операционную.

– Вы говорили, ярлыки проверяют в присутствии матери, – вспомнил Алесандро, огромным усилием воли заставляя себя сдерживать гнев.

– Обычно их зачитывают вслух и проверяют две медсестры, но вчера персонал работал в нечеловеческих условиях. Когда много работы, о мелочах забывают, и порой случаются промахи.

– Он не мог знать, что родились два мальчика, – заявил Андервуд. – Если хотя бы одна родила девочку...

– Он знал, что у Октавии должен родиться сын.

Вот, значит, что на самом деле имел в виду Примо, обещая, что присмотрит за Октавией в Лондоне. Сандро полжизни потратил на то, чтобы установить нормальные отношения с кузеном, всегда стараясь понять его, назначил своей правой рукой в компании, словно бы извиняясь за решение, из-за которого брат не стал руководителем. Но очевидно, дух соперничества принял опасную форму. Примо пошел на поводу у зависти и раздражительности, предав его.

– Малыш Келли к тому времени уже родился. Первая медсестра взяла для него шапочку, – услышал он слова директора, прорвавшиеся сквозь бешеный стук сердца.

Как принять эту неожиданно обрушившуюся правду? Примо предатель. В глубине души Алесандро пытался найти оправдание поступку кузена. Его не покидало чувство вины оттого, что он стал причиной смерти отца. С тех пор все проблемы, выпадавшие на долю Примо, он воспринимал как свои собственные, считая, что это достойное наказание, испытание для его чести. Всю жизнь он старался искупить свой грех. Ведь если бы не тот необдуманный поступок, отец по-прежнему бы управлял компанией. Сандро всегда ставил нужды семьи выше собственных. Он бы отдал жизнь за благополучие рода Ферранте. И вот награда за его усилия, удар исподтишка, нанесенный даже не ему, а жене и ребенку. Это уж слишком.

– Я бы хотел поговорить с вашим кузеном, – сказал Андервуд.

– Я тоже. – Тон Сандро не предвещал ничего хорошего.

Глава 4

Алесандро вернулся с таким лицом, что Октавия невольно обняла ребенка крепче, почувствовав опасность, исходившую от мужа. Внешне он был спокоен, но это, очевидно, напускное спокойствие, маска, броня, и битва предстоит нешуточная.

– Ты что-нибудь узнал?

Казалось, она на каком-то инстинктивном уровне распознала состояние мужа. Вдруг захотелось спрятаться и сидеть тихо-тихо, чтобы не стать жертвой его гнева. Но было уже поздно. Пристальный взгляд нашел ее глаза. Пораженная яростью в его взоре, Октавия отодвинулась. Хотелось закричать, что во всем произошедшем нет ее вины.

– Они допрашивают всех подряд. Я сейчас пойду вместе с директором говорить с Примо.

«Удачи», – едва не сказала Октавия, но вовремя спохватилась. Она всегда держала мнение о Примо при себе. Даже если муж что-то и увидел, вряд ли расскажет ей, по крайней мере, если не захочет. Скорее всего, сочтет ее истеричкой. Отчаяние и переутомление вдруг опустились на нее тяжелой душной завесой, она лишь бессильно кусала губы.

– О чем ты думаешь?

Октавия вздрогнула. Когда это он стал обращать внимание на то, что она вообще способна думать?

– Ни о чем.

Пришлось сделать над собой усилие, чтобы встретить его пристальный взгляд. Ни в коем случае нельзя показывать неприязнь к Примо. Они с Сандро очень близки, незачем усложнять и без того непростые отношения с мужем. Хотя к чему осторожность, они все равно живут врозь. Последнее время рядом с Октавией находилась его мать, Изабелла, и по иронии судьбы очень нравилась невестке, несмотря на бурные вспышки темперамента и равнодушие к приличиям. Жаль, она больше времени проводила на Лазурном Берегу в поисках очередного мужа, нежели в собственном доме в Лондоне. Плохо, что у них с Алесандро недостаток взаимопонимания и доверия. Будущее виделось Октавии размытым и неясным.

– Расслабься и успокойся. Ты здесь в безопасности. На этаже усилена охрана. У каждого ребенка и у вас с Сорчей будет дежурить сотрудник службы безопасности, пока все не выяснится.

При упоминании своего имени Сорча подняла голову. Интересно, ее муж тоже способен держать всех под охраной и скрывать неприятную правду, маскируя ее под безопасность? Зачем Алесандро пытается всех обмануть? Октавия далеко не дура.

- Ты думаешь, это сделано намеренно? Кто...

Она посмотрела на новую подругу. Кто мог совершить такую подлость? Однако, наткнувшись на хмурый взгляд Алесандро, Октавия поняла, что целью злоумышленников была не Сорча, а она и Лоренцо. Ей вдруг стало трудно дышать.

- Мы определили ваши группы крови, - объявил директор, обращаясь к обеим матерям. - Хочу поделиться результатами, хотя они, разумеется, не окончательные.

Не окончательные? Октавия невольно прижала Лоренцо крепче. На ножках обеих малышей сейчас висели ярлыки «Ребенок 1» и «Ребенок 2», но она не сомневалась, что держит на руках своего сына.

- Забавно, мы им присвоили номера «1» и «2», а следовало бы «2» и «3», потому что именно такие у них группы крови.

- У меня третья группа крови. Так, значит, все ясно, - Алесандро бросил жадный взгляд на мальчика.

Октавия невольно подумала, что муж держал под строгим контролем даже чувства. Видно было, как он потянулся к малышу, по ее телу точно ток пробежал. Наконец-то он готов признать своего сына. Жаль, именно в таких условиях, после странного и неприятного инцидента, о котором ей даже не рассказали. Ах, если бы она могла видеть мужа насквозь и понимать его чувства.

- Да, у вас третья группа крови, мистер Ферранте. А у вашей жены вторая. Миссис Келли имеет первую группу, а ребенок вторую. Пока трудно утверждать, кто именно может быть родителем этих детей. Нужно взять кровь у мистера Монтеро. Если окажется, что у него вторая группа крови, значит, он не отец малыша. - Директор кивнул на Лоренцо.

– Вы ему позвонили? – спросила Октавия Сорчу.

Кажется, та не говорила по телефону. Но, если нужно, Октавия готова умолять ее это сделать. Ей в общем-то не важно, кто стал причиной инцидента и почему. Им обеим нужно получить подтверждение своей правоты, чтобы спокойно заботиться о детях.

– Мы звонили мистеру Монтеро. Он направляется в клинику, и скоро мы получим результаты анализов.

– Подождите. Вы что, звонили Цезарю? – удивилась Сорча.

Результаты из Испании пришли, когда Алесандро все еще улаживал инцидент, бегая по больнице. То, что обе матери знали инстинктивно, оказалось правдой. Малышей должны были еще некоторое время подержать в больнице для проведения экспертизы ДНК, но никто уже не сомневался, что Лоренцо сын Октавии, а Энрике принадлежит Сорче.

Женщины, узнав правду, облегченно вздохнули. Октавия наконец смогла вернуться в палату, где обнаружила огромный букет с запиской: «Я буду, как только освобожусь. А.».

Он до сих пор с Примо. Осознание горькой правды не давало заснуть, хотя усталость была просто колоссальной. Октавии хотелось крикнуть на всю больницу: «У нас родился ребенок! Неужели тебе все равно?» Она отправила мужу эсэмэску с сообщением результатов анализов, ей пришло уведомление о том, что Сандро прочитал его. Однако ответом ей было молчание. Можно подумать, она мать-одиночка, как Сорча. Мысль эта полоснула болью, но лучше уж признать неприятную правду, чем поджидать принца Сандро на белом коне и его благосклонности. Нужно повышать самооценку. С этим у нее проблемы с самого детства. Еще ребенком Октавия была вынуждена подчиняться строгим правилам и заставлять себя соответствовать идеалу, созданному родителями, чтобы заслужить хотя бы малую толику одобрения. Конечно, были попытки покутить в интернате, но этим Октавия скорее хотела не заслужить одобрение сверстников, а доказать родителям, что взрослая и самостоятельная. По натуре она была домашним ребенком, вечеринки, мальчишки, тряпки и пьянки ее мало привлекали. Единственное, что имело значение, – свобода и независимость,

возможность рисковать, выскальзывать по ночам из комнаты, высказывать собственное мнение, не заботясь о том, что скажут окружающие. Потом кто-то подсунул ей наркотики, и она бы точно скончалась на той вечеринке, если бы их вовремя не застукали. Октавия радовалась тому, что ей сделали промывание желудка и на время освободили от уроков, лишь бы больше не встречаться с прежними дружками. После того случая она стала паинькой, испугавшись собственного непослушания. Научилась проводить время в одиночестве и следовать приказам отца. Это показалось безопасным. В какой-то момент она познакомилась с несколькими девочками из Неаполя, но их объединяло лишь проживание. Октавия ничего не могла рассказать о встречах со знаменитостями, интересно проведенных каникулах и тем более сексуальных экспериментах. Камнем, брошенным в спокойное озеро жизни, стала встреча с Алесандро. Она до сих пор не понимала, почему он выбрал ее. Ее мужем должен был стать Примо. В памяти всплыл вечер, когда она встретила их обоих. Что Сандро в ней увидел? Таких, как она, вокруг него было пруд пруди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kollinz_deni/pritvoris-moey-na-odnu-noch

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)